
ЮЛИЯ КОЗЛОВА
ЯРМАРКА
ТЕНЕЙ

Юлия Козгова
Ярмарка теней

https://litres.ru/74798153
SelfPub; 2026

Аннотация

Ярмарка теней

В Аду тоже бывают представления. Только здесь зрители не всегда знают, когда начинается спектакль. А артисты не всегда помнят, кем были до него.

Говорят, у каждой ярмарки есть свой хозяин. У этой — особенный. Он умеет заставить увидеть невозможное, поверить в несуществующее и засомневаться в том, что ещё мгновение назад казалось правдой.

Его имя — Малх.

Но прежде чем стать легендой адской ярмарки, он был совсем другим. И однажды ему пришлось сделать выбор, который изменил всё.

Это история о цене второго рождения, о власти иллюзий и о том, что даже в самом тёмном месте можно найти собственную сцену.

В мире «Гласа пустоты» у каждой тьмы есть своё лицо. У этой — оно скрыто за улыбкой шута.

Добро пожаловать на Ярмарку теней. Представление уже началось.

Содержание

1. Ярмарка 4
2.Мари 13
3.Жак 17
4.Падение 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Юлия Козгова
Ярмарка теней

1. Ярмарка

Средь грязи, вони и дождей,
Где площадь стонет от людей,
Где звон монет и запах пива,
Где всё фальшиво, всё крикливо,
Где сквозь ругань, хохот, брань
Тянулась ярмарочная дрянь,
Где в лужах отражался свет
Фонарных коптящихся лет, —
Там, под навесом из холста,
Стоял он — шут. И нищета
Смотрела из прорех кафтана,
Из рукавов, из ткани рваной,
Из башмаков, где сквозь дыры
Дождём промыты все узоры.

Он был уродлив, как изъян
В творенье Божьем. Горб, хромота,
Лицо, покрытое до рта

Щетиной жёсткой, словно мох,
И взгляд, что был печально-строг.
Один глаз щурился сильней,
Другой глядел из-под бровей,
Глубоко запавших, словно тени,
Хранивших след бессонной лени.
Нос был искривлён, губы — в шрамах,
А кожа — в пятнах и рубцах.
И даже в солнечных лучах
Он оставался чуждым храмам.

Его кафтан когда-то был
Ярчайшим — красным, золотым,
Но дождь и грязь его побили,
А годы в клочья превратили.
На шее — бант, давно поблёкший,
На шапке — бубенец помятый,
И колокольчик, тихо звякнув,
Звучал, как смех давно распятый.
Он шёл, прихрамывая, в круг,
Разводил в стороны свой рук,
Крутился, падал, вновь вставал,
И каждый жест толпу смешал.

А люди шли, теснились, пили,
Его толкали и дразнили.

Кидали медь, швыряли грязь,
Смеялись, за живот держась.
Кто требовал смешней гримасу,
Кто ждал падения для фарса,
Кто тыкал пальцем в его горб,
Как будто видел редкий сорт.
И Пьер кланялся покорно,
Хоть каждый поклон был позорным.
Он шляпу снимет, улыбнётся
И снова в круг толпы вернётся.

Но если смех на миг стихал
И взгляд его никто не встречал,
С лица сползала гримаса,
И гасла искра балагана.
На миг в глазах темнела боль,
Как в чаше — горькая настойка.
Но вот опять звенел бубенчик,
И снова шут кружился бойко.
Ведь здесь жалели лишь монет,
А на людей здесь спроса нет.

Его сюртук был стар и потёрт,
На локтях — заплаты, на швах — перекос.
Башмак на ноге развалился давно,
А второй промокал, пропуская вино.

Он двигался странно: то боком, то вскачь,
То вдруг замирал, словно раненый грач.
Казалось, суставы скрипят при ходьбе,
И каждый шаг отзывался в судьбе.

Но страшнее всего были даже не шрамы,
Не горб, не походка, не ветхие рамы
Его старой жизни, истёртой до дна, —
А взгляд, где застыла немая вина.

В глазах его стыла непрожитая боль,
В них пряталась горечь, въевшаяся соль.
И если он вдруг улыбался толпе,
То что-то ломалось в его худом лице.

Его смех раздавался над площадью звонко,
Как треснувший колокол где-то в сторонке.
Он бил по ушам, заставляя кривиться
Тех, кто спешил над уродцем глумиться.

Его прозвали Колокольчик —
За звонкий, жалобный звоночек,
Что над горбом его дрожал,
Когда он к публике бежал.
На шапке бубенец болтался,
При каждом шаге отзывался,

И звон его летел в толпу,
Вонзая в сердце боль и мглу.

«Колокольчик! Эй, звени!
Нас повесели, удиви!
Покувыркайся, поклонись,
Да пошутить не поленись!» —
Кричали пьяные зеваки,
Смеясь над ним из полумрака.
И каждый голос, каждый смех
Звучал насмешкою при всех.

Он был не именем — клеймом,
Не украшением — ярмом.
Прозванье намертво пристало,
Как грязь, что дождиком не смыло.
И даже если в тишине
Он вспоминал о прежнем «мне»,
Толпа опять звала его,
Не оставляя ничего.

И каждый раз, надев наряд,
Он слышал собственный закат.
Затягивал потуже пояс,
Прятал под гримасой горечь,
Пришивал к шапке бубенцы,

Стирал с лица следы тоски.
И стоило ему шагнуть —
Звенел насмешливый маршрут.

Звенел над площадью, над грязью,
Над пьяной руганью и мразью,
Над теми, кто бросал гроши,
Не замечая в нём души.
И Пьер смеялся вместе с ними,
Скрывая боль за шутовскими
Усмешкой, прыжком и поклоном,
Пока не делался звоном.

Но публика желала смеха,
Ей было чуждо слово «жалость».
Ей подавай побольше эха,
Чтоб даже небо содрогалось.
Ей было мало пары шуток,
Мало прыжков и кувырков,
Ей подавай побольше жути,
Побольше глупых синяков.

И шут, покорный воле эха,
Дарил ей то, что ей осталось:
Паденье в грязь, нелепый жест,
Гримасу, свист и звонкий треск.

Он кувыркался через лужи,
Вставал, шатаясь, на ногах,
И каждый раз толпе был нужен
Ещё один смешной провал.

«Ещё! — кричали. — Ну же, шут!
Неужто трюки все иссякли?
Пускай тебя хоть трижды гнут,
Мы за веселье деньги платим!»
И медь летела к его ногам,
Смешавшись с грязью и соломой.
А Пьер кланялся господам,
Как будто был с весельем знакомым.

И только тот, кто заглянул бы
За грим, за краску, за оскал,
Увидел бы, как крепко губы
Он в этот миг до крови сжал.
Но здесь никто не шёл за маску,
Никто не задавал вопросов.
Толпа купила представленье —
И не желала знать, что после.

И если кто-то бросил медь,
Он был готов ещё терпеть.
Звенела монета о камень у ног —

И шут начинал новый виток.
Он снова падал, снова вставал,
Сквозь хохот толпы себя собирал.
Ведь чтобы вечером хлеб раздобыть,
Он должен был публику рассмешить.

Ему бы поесть, отогреться в тепле,
Забыть хоть на час о проклятой судьбе.
Но хлеб не давался за гордость и боль,
За честность не платят на ярмарке вдоволь.
И Пьер продавал то, что было при нём:
Свой жалкий наряд, свою боль, свой излом.
Он сам превращался в потеху для всех,
Меняя на медь свой надломленный смех.

Он ненавидел этот смех,
Толпу, что веселилась всех,
Фальшивый блеск чужих монет,
Чужое счастье, белый свет.
Он ненавидел пьяный гам,
Ухмылки, обращённые к нему,
И то, как каждый встречный сам
Считал за честь добавить клейму.

Но ярость не спасала от нужды,
Не вымывала грязь с одежды,

Не превращала в прах следы
Его униженной надежды.
Он мог проклясть весь белый свет,
Мог пожелать толпе расплаты,
Но утром снова шёл на свет
Ярмарки, где его ждали.

2.Мари

А ночью, сбросив балахон,
Когда затихал последний звон,
Он оставался в тишине
Один — наедине с собой вполне.
Смывал с лица остатки грима,
Стирал улыбку, словно пыль,
И в отражении немом
Видел не шута, а свою быль.

Он ненавидел этот взгляд,
Где годы горечи горят,
Где каждый шрам и каждый сгиб
Напоминал, как мир жесток и слеп.
Он отворачивался прочь,
Но отраженье оставалось.
И сколько ни гони ты ночь,
Всё то же в зеркале скрывалось.

И всё же в глубине груди,
Под слоем злобы и стыда,
Жил огонёк — почти без света,
Но не погасший до конца.

Он не сулил ему спасенья,
Не обещал счастливых дней,
Но даже в час самоуничиженья
Он бился в клетке всё сильней.

И Пьер хранил одну мечту,
Которую скрывал от света.
Он знал: она не станет на его тропу,
Не обернётся вслед за ним карета.
Он знал одно среди невзгод,
Среди насмешек и лишений:
Любовь его не узнаёт —
Не разглядит за шутом человека.

Мари — воздушная краса,
В её глазах жила весна.
В них отражались свет и высь,
И даже тени расцвели.
Она взлетала над толпой,
Как будто не была земной,
И, рассекая тишину,
Вращала мир вокруг одну.

Под куполом потёртых полотен
Её полёт был невесом.
Казалось, ветер, ей подвластный,

Сам поднимал её вверх дном.
Она касалась тонких строп,
Летела ввысь, легко кружилась,
И каждый вздох, и каждый взлёт
В восторге публике дарились.

Её ладони — два крыла,
Её походка — шёпот света.
Она над пропастью плыла,
Не зная страха и запрета.
И если музыка смолкала,
Застыв, следила вся толпа,
Как будто небо опускалось
В ладони смертного шута.

Внизу шумели кабаки,
Звенели кружки, спорили пьяницы,
Но стоило ей взмыть с руки —
И смолкли даже насмешницы.
Монеты сыпались к ногам,
Цветы летели на арену,
И каждый взгляд тянулся к ней,
Забыв про грязь, нужду и стену.

А Пьер стоял среди теней,
Забыв на миг о боли давней.

Он видел мир её очей
И становился чуть живее.
Она была недостижима,
Как звёздный свет за толщей туч.
А он — смешной, никем не зримый,
Под колокольчиком, как ключ.

И всё же, глядя на полёт,
Он верил в невозможность чуда:
Что кто-нибудь и в нём найдёт
Не шутовство, а человека.
Но Мари кружилась в вышине,
Легко взмывая над ареной,
И он молчал. Его мечте
Не суждено коснуться неба.

3.Жак

Она смеялась — он смотрел,
И мир вокруг для них немел.
В её глазах светилась нежность,
В его улыбке — безмятежность.
Они не прятали тепла,
Не знали зависти и зла,
И каждый жест, и каждый взгляд
Друг другу были словно клад.

Она касалась его плеча,
Смахнув пушинку невзначай,
А он смеялся, наклоняясь,
Чтоб слышать голос, приближаясь.
Он подавал ей руку вновь,
И в этом жесте — безусловность,
Та простодушная любовь,
Что не страшится быть собою.

А Пьер следил из-за кулис,
Где пыль клубилась, словно дым.
Он видел каждый их каприз,
И каждый миг казался злым.

Вот Жак ей что-то прошептал —
И смех её взлетел под своды.
Вот он ладонь её сжимал,
И та не отводила взора.

И каждый жест, и каждый вздох
Пьер превращал в смертельный рок.
Чужое счастье резало сильней,
Чем насмешки сотен пьяных лиц.
Он ненавидел их за то,
Что им любовь дана так просто,
Что между ними нет преград,
А он для них — смешной уродец.

Он знал: никто не виноват
В том, что его душа изранена.
Но чем светлее был их взгляд,
Тем глубже становилась рана.
Он убеждал себя: пустяк,
Всего лишь зависть, миг досады.
Но сердце отвечало: «Так
Ты не узнаешь их отрады».

И всё сильнее день за днём
Он прятал ярость под смешком.
Он кланялся, звенел бубенцом,

Скрывал обиду за лицом.
Но там, где смех его звучал,
Уже иной огонь мерцал.
И сам не ведая пока,
Он приближался к краю зла.

Он знал, что ей не нужен шут,
Что не туда ведёт маршрут,
Что ей не слышен тихий звон
Колокольчика, в неё влюблён.
Она смотрела сквозь него,
Не замечая ничего,
И в суете дневных забот
Не знала, как его зовёт
Безмолвно сердце из груди,
Моля: «Побудь со мной. Не уходи».

Он понимал: ему не стать
Тем, чью ладонь она сжимать
Захочет в сумраке ночном,
К кому прижмётся под дождём.
Не он подхватит на лету,
Не он разделит высоту,
Не он услышит тихий смех,
Когда она забудет всех.

Но сердце не умело ждать,
Не научилось отступать.
Оно цеплялось за пустяк:
За мимолётный добрый взгляд,
За слово, брошенное вскользь,
За миг, когда она, смеясь,
Ему кивала на ходу,
Не зная, что несёт беду
Его надеждам, что опять
Он будет ждать и ревновать.

Он приносил ей то цветок,
То ленту, найденную впрок,
То яблоко, то горсть конфет,
Купленных на последний мед.
Она благодарила, улыбалась,
И тут же к Жаку возвращалась.
А Пьер стоял, сжимая дар,
Как будто в нём погас пожар.

И он любил — и в этой мгле
Терял остатки света в себе.
Любил её за смех живой,
За лёгкость, за полёт над головой,
За то, что рядом с ней на миг
Он забывал, как мир жесток и дик.

И ненавидел сам себя
За то, что не мог жить, любя.

Он клялся больше не смотреть,
Не ждать, не верить, не терпеть.
Но стоило ей появиться —
Он забывал, как защититься.
И снова сердце шло на зов,
Не требуя ни клятв, ни слов.
Он знал: любовь не даст ему наград,
Но всё равно смотрел назад.

4.Падение

Сначала пил он лишь порой,
Чтоб заглушить разлад ночной,
Чтоб хоть на час забыть лицо,
Свой горб, судьбу и ремесло.

В дешёвом трактире, среди вони,
Под хриплый смех и звон в ладони,
Он пил, пока в глазах двоилось
Всё то, что в сердце поселилось.
И если хмель дарил покой,
То ненадолго, лишь на бой
С самим собой — до первой дрожи,
До утра, что становилось строже.

Потом вино пошло рекой,
Смывая разум и покой.
Он пил за Мари, за Жака,
За жизнь, похожую на мрак барака,
За отражение в стекле,
За место в мире и во мгле.
За каждый день, за каждый час,
За всех, кто отворачивался от глаз.

А если медь звенела в кошельке,
Он не спешил оставить на замке
Последний грош — он нёс его туда,
Где за монету покупалась теплота.

В притонах, в комнатах с тяжёлым духом,
Где ночь гудела пьяным, сиплым звуком,
Ему улыбки продавали за гроши,
И он платил — за видимость души.
Там женщины, привыкшие считать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.